

ОСНОВНЫЕ АРХЕТИПЫ В КЛАССИЧЕСКИХ ЮНГИАНСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Короленко Ц.П.¹ Дмитриева Н.В.²

¹ Короленко Цезарь Петрович

доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Красный пр., 52, Новосибирск, 630091, Россия. Тел.: 8 (383) 222-32-04;

член-корреспондент СО РАН высшей школы, заслуженный деятель науки, действительный член Нью-Йоркской Академии Наук, член секции транскультуральной психиатрии Всемирной Психиатрической Ассоциации.

E-mail: lengyel34@mail.ru

² Дмитриева Наталья Витальевна

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии; частное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Большой проспект ПС, 18А, Санкт-Петербург, 197198, Россия. Тел.: 8 (812) 235-11-39;

профессор кафедры педагогики и психологии девиантного поведения; Санкт-Петербургское государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», 12-я линия Васильевского острова, д. 13, литера А, Санкт-Петербург, 199178, Россия. Тел.: 8 (812) 321-96-16;

ректор; автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Новосибирский институт клинической психологии», ул. Писарева, 4, Новосибирск, 630091, Россия. Тел.: 8 (383) 291-55-27.

E-mail: dnv2@mail.ru

Аннотация

Архетипы, согласно теории Юнга, это универсальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного. Архетипы заставляют людей совершенно определенным образом воспринимать, переживать события и реагировать на них. Архетипы бессознательны. Процесс осознания этих врожденных паттернов составляет суть индивидуации личности, приводит к формированию зрелого отношения к себе и миру, построению гармоничных отношений с другими людьми, преодолению кризисных состояний (Jung, 1971). Структурируя психику, Юнг оперировал такими понятиями, как «персона», «тень», «анима», «анимус» и прочими, называемыми другие архетипы коллективного бессознательного. Архетипы создают архетипные имиджи, предрасполагая к определенным вариантам универсального для людей переживания мира и к действиям по универсальным шаблонам. Архетипы имеют свойства матриц, «психических инстинктов». Вся индивидуальная психика, все личные переживания могут быть интерпретированы посредством архетипных форм. В статье рассматриваются выделенные Юнгом архетипы Self'a, Мандалы, Анимы и Анимуса, Персоны, Тени, Великой Матери, Старого Мудреца и Трикстера. Возможно любое число архетипов. Юнг считал их регуляторами поведения и психической жизни, организующими и направляющими психические процессы. Без специальной информации об архетипах человек не осознает, что находится под влиянием коллективно бессознательных архетипных сил. Если влияние коллективного бессознательного усиливается, его оказывается «схваченным» архетипными импульсами, которые поработают человека. Знание этого факта весьма полезно, поскольку оно помогает в какой-то мере контролировать ситуацию. Поскольку архетипы имеют как позитивную, так и негативную стороны, контроль заключается в попытке активизировать первую за счет второй, вступая в диалог с архетипными силами во время психотерапии.

Ключевые слова: индивидуальное и коллективное бессознательное; архетипы; Self; Мандала; Анима; Анимус; Персона; Тень; Великая Мать; Старый Мудрец; Трикстер.

УДК 159.9:304.2

Библиографическая ссылка

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 3. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11030

Поступила в редакцию: 08.02.2018 Прошла рецензирование: 10.03.2018 Опубликовано: 29.03.2018

*Одна картина стоит сотни тысяч слов.
Китайская пословица.*

АРХЕТИП SELF'a

Jung выделял архетип Self'a. Понимание этого термина осложняется существующими неточностями в переводе. Так, например, термин «анализ self'a» по Freud'y означает «самоанализ», а по Jung'y — «анализ архетипа Self». Понятие «Self» относится к категории абстрактных, заключающих в себе элемент отвлеченности. Общеизвестно, что специалисты рассматривают его как центр сознания. При условии отсутствия какой-либо угрозы для стабильности психики человек постоянно обращается к своему бессознательному и черпает из него энергию и необходимые, забытые им элементы. Но, если его пытается привлечь в свою структуру элементы коллективного бессознательного, появляется угроза дезинтеграции психики в связи с тем, что они обладают слишком большой энергией. Метафорически это сравнимо с лодкой, идущей ко дну из-за переполняющего ее большого количества воды, или с руслом ручейка, по которому пускают мощный поток воды. В зоне затопления оказывается не только русло, но и то, что его окружает. Психика человека при отсутствии необходимых ресурсов не выдерживает перенапряжения и сгорает как лампочка, рассчитанная на 127, но получившая 220 вольт.

Архетип Self отличается от ego тем, что является не только центром сознания, но и психики в целом. С точки зрения одной из лучших исследователей наследия Jung'a Fordham (1964), Self включает в себя как сознательное, так и бессознательное и является центром сознательной и бессознательной частей психики. Действуя подобно магниту по отношению к различным элементам личности и бессознательным процессам, Self представляет собой центр всей тотальности личности. Функция Self'a — соединение оппозиционных элементов, например, мужского и женского начал, сознательной и бессознательной сфер, «хорошего» и «плохого» и т.д. [6].

Чтобы «добраться» до Self'a, необходимо осознать, понять и принять созданное природой плохое, иррациональное и хаотическое, наиболее высокоразвитое и наиболее низкоразвитое. Jung пытался сформулировать понимание Self'a в работе «Тайна золотого цветка», базирующееся на китайской концепции ТАО, включающей сознательную и бессознательную сферы, взаимодействие светлых и темных сил Инь и Янь, из которых развивается золотой цветок — бессмертное духовное тело.

Архетип Self'a представляет собой осознание, с одной стороны, уникальной природы человека, а с другой, — его интимных отношений и единства с жизнью окружающих людей, животных, растений, с космосом, природой, с органической и неорганической жизнью. Все воспринимается так, как оно есть — в единой неразрывной связи с невидимым центром. Человек ощущает себя как часть и, вместе с тем, как центр всего.

Восприятие Self'a Jung иногда называют мистическим соучастием. Человек порой приближается к этому чувству, иногда оно его охватывает. Такое соучастие появляется, когда возникает инсайт особого состояния единства со всем окружающим миром. Те, кто развивается односторонне в каком-то одном «зашоренном» направлении, уходят от этого чувства очень далеко, за что впоследствии расплачиваются ощущением потери смысла жизни и экзистенциальной депрессией. Необходимость приближения к архетипу Self'a отождествляется со все более глубоким внутренним познанием себя, своего бессознательного, интеграцией этого бессознательного в сознательную сферу. Переживание Self'a архетипно. Оно определенным образом отражается в видениях, сновидениях, в различных имиджах, которые могут быть названы архетипами Self'a. Для человека, незнакомого с языком таких сновидений, многие имиджи могут казаться странными, запутывающими, смущающими потому, что бессознательное «не показывает себя» напрямую, как это делает сознание.

Символом Self'a, например, часто является ребенок. Это может быть образ божественного или магического ребенка. В связи с этим уместно вспомнить фиксацию многих мифов и фольклора на мотиве ребенка и роли места, которое он занимает во многих религиях. Символом Self'a могут быть фигуры Христа, Будды, являющиеся, с точки зрения Jung'a, наиболее дифференцированными выражениями архетипа Self, которых достигло человечество. Self может появляться в сновидениях в образе животного, яйца; иногда он выражается в гермафродитической фигуре, олицетворяющей символ двойственности мужчины и женщины. Он может принимать имидж статуи, сокровища, которое трудно найти, поскольку оно спрятано за семью горами и лесами. Возможен образ драгоценного камня, чаще всего бриллианта или жемчуга. Частым символом Self'a могут быть четыре ореха в разных концах блюда. Это может быть цветок, например, лотос, или же золотой шар, золотое яйцо, чаша, геометрические фигуры в виде круга, колеса, четырехугольной площади, креста. Такие различные концентрические фигуры с радиусами, кругами, площадями, с наличием центральной точки называют мандалами, дословно обозначающими магический круг.

МАНДАЛА

Мандала — это санскритское слово, которое обозначает "магический круг"; является геометрической фигурой, в которой круг находится в квадрате или квадрат в круге; имеет более или менее регулярные подразделения, разделяется на множественные части, радиально расположенные от центра или движущиеся к центру. Юнг интерпретировал мандалу как выражение психики и в особенности Сэлфа [3].

Мандала — религиозный индийский термин для кругов, используемых в религиозных ритуалах и в качестве фокуса для медитации. Целью созерцания процессов, имеющих отношение к мандале, является то, что йоги должны внутренне осознавать божество. «Посредством созерцания он снова распознает себя Богом и таким образом возвращается от иллюзии индивидуального существования в универсальную тотальность божественного состояния» [18].

Имеются многочисленные варианты мотивов мандалы. Основной мотив — это предчувствие центра личности, своего рода центральная точка внутри психики, которая является источником энергии. Энергия центральной точки проявляется в почти непреодолимом стремлении стать тем, чем субъект действительно является, так как каждый организм стремится принять форму, которая характерна для его природы, невзирая на обстоятельства. Этот центр не чувствуется и не воспринимается как эго, его можно назвать Сэлфом. Хотя центр репрезентирован его максимально внутренней точкой, он окружен по периферии парными противоположностями, которые формируют тотальную личность.

В сновидении это может быть площадь с фонтаном в центре, часы без стрелок. В некоторых странах Востока фигуры мандалы используются в различных ритуалах. Например, в тантрической йоге мандалу созерцают. Имеются христианские мандалы, датированные периодом раннего средневековья и изображающие Христа в центре и четырех евангелистов в четырех, расположенных на периферии, точках. Исторически мандала служила символом, олицетворяющим природу божества, средством проекции вдохновения, возвышенного чувства и пр. Jung обнаружил, что символизм, связанный с мандалой, возникает в сновидениях и видениях многих пациентов спонтанно. В «Психологии и алхимии» автором описана серия из четырехсот сновидений с символизмом мандалы. Причины возникновения мандалы в сновидении непонятны и на уровне сознания не расшифровываются. Такое сновидение обычно сопровождается выраженным чувством гармонии и умиротворения. Мандала в сновидении иногда возникает в виде картины, рисунка, какой-то абстрактной геометрической формы, в фигуре круга, в танце. Примером служат ритуальные народные танцы, во время которых происходит кружение танцующих вокруг центральной точки с последующим расхождением танцоров в четыре угла и схождением вместе.

Представляет интерес описание Jung'ом сновидения одной из своих пациенток: «Я поднималась в гору и увидела себя стоящей в центре четырехугольника из группы камней. Они были плоскими, подобно ступенькам. Я попыталась приподнять камни, которые находились рядом со мной, и обнаружила, что они были пьедесталами четырех статуй Богов, которые были похоронены вниз головой. Я выкопала эти статуи и расположила их так, что сама оказалась в их центре. Внезапно произошло следующее. Статуи начали склоняться по направлению друг к другу до тех пор, пока их головы не соприкоснулись и они не сформировали над моей головой что-то наподобие палатки. Тогда я упала на землю и произнесла: «Падайте на меня, если вы должны это сделать». Я очень устала и вдруг увидела, что в окружении четырех Богов возникло кольцо пламени. Через какое-то время я поднялась с земли и перевернула статуи. Когда они упали, на их месте появилось четыре дерева. Пламя, которое продолжало гореть, перекинулось на деревья, сжигая листья. И тогда я сказала себе, что для того, чтобы это прекратилось, должна войти в огонь и сгореть вместо деревьев. Так я и сделала. Кольцо пламени сомкнулось и превратилось в голубой огонь, который поднял меня над землей. Боли я не ощущала» [15, р. 11]. Несмотря на то, что значение этого сновидения невозможно понять полностью, его цель заключается в предупреждении об опасности — считает Jung. Автором подчеркивается важность кругов и четырехугольников в символе мандалы.

У другой пациентки Jung'a психическое расстройство началось после того, как она увидела внутри себя часы без стрелок. Цифры, которые на них стояли, загорались в определенном ритме. В этом же ритме у женщины появлялись иррациональные мысли. Таким образом, анализ сновидений обладает мощным диагностическим и терапевтическим потенциалом.

АНИМА и АНИМУС

В психологии Jung'a маскулинный компонент в психике женщины определяется как анимус, а внутренняя фигура женщины, присутствующая в психике мужчины, называется анимой. Иными словами, анима представляет собой связанный с коллективным бессознательным синтетический, сформированный в опыте поколений имидж женщины в психике мужчины.

Этот имидж обладает необычайной силой воздействия в случае его активизации, что происходит, например, тогда, когда анима мужчины проецируется на какую-то конкретную женщину. Анима рассматривается как наличие женского начала в психике мужчины. Она может влиять на настроение, приводить к его снижению, грусти, печали и пр. Анима проявляется в женственных чертах характера, свойственных даже наиболее мужественным мужчинам. Имидж анима элюзивен. Он не поддается конкретному

определению. В нём всегда присутствует таинственность, магия, особая притягательная сила. Анима имеет как положительную, так и отрицательную стороны (два противоположных полюса), приобретая черты как доброй феи, так и злой колдуньи.

Влияние анимуса (имиджа мужчины в психике женщины) приводит к развитию мужских черт характера и поведения у женщины, что может иметь положительное значение во многих жизненных ситуациях. Имидж анимуса в психике женщины, согласно Jung'у, представлен часто во множественном числе, проявляясь в виде понятия «они» (совет старейшин, коллектив и др.). Влияние такого коллективного анимуса может приводить к преклонению перед авторитетами, людьми, которые «всё знают», обладают властью.

Целью мужчины и женщины является частичное осознание в их психике анимы и анимуса и интегрирование осознанных элементов в целостную личность. Конструктивное развитие маскулинных и феминных черт сохраняет внутренний баланс, предотвращает односторонний взгляд на жизнь, профилактирует конфликты между анимой и анимусом.

В художественных произведениях, кинофильмах и спектаклях содержатся многочисленные примеры негативных последствий неумения использовать внутренние ресурсы для «здоровой» проекции анимы и анимуса на лиц противоположного пола. Одним из таких примеров является яркая иллюстрация воздействия анима в фильме «Голубой ангел», главный герой которого — профессор — влюбляется в девицу из кабаре (эту роль играла Марлен Дитрих), теряет свою прежнюю идентичность, разрушает карьеру, жизнь, и его личность подвергается полной дезинтеграции.

Опасность проекции анимы и анимуса состоит в идентификации женщины/мужчины с спроецированным на них архетипным образом, которому проецирующий/проецирующая приписывают нереальные, фантастические качества, по существу, мало зная об их реальных особенностях.

Анима и анимус проявляются различным образом, но имеют определенные общие характеристики. Каждый из них является психическим имиджем и представляет конфигурацию, состоящую из базисной архетипной структуры. Как фундаментальные формы, лежащие в основе феминных аспектов мужчины и маскулинных аспектов женщины, они видятся как два оппозита (две противоположности). Как психические компоненты они сублиминальны к сознанию и функционируют внутри бессознательной психики и поэтому действуют благоприятно, однако они могут и угрожать сознанию, если овладевают им. Они влияют на доминирующие содержания в психике мужчины и женщины не просто, как обычно думают, в качестве контрасексуальных психологических противоположностей мужественности и женственности, они действуют и как психологические насосы, и как душевные проводники, способные активизировать творческие возможности, становясь инструментами для постоянного личностного развития [3].

Анима и анимус — это первичные факторы, представляющие собой первичный элемент реакций, настроений, импульсов у мужчины; убеждений, вдохновений у женщины; и у обоих гендеров — что-то такое, что побуждает к познанию спонтанного и значительного в психической жизни. За анимусом, по мнению Jung'a, лежит архетип значения, а за анимой — архетип самой жизни [20].

Выделение архетипов анимы и анимуса Jung'ом было непосредственно связано с идеей о необходимости осознания клиентами Тени. Овладение анимой или анимусом трансформирует личность, в которой начинают преобладать характеристики, присущие противоположному полу. Индивидуум теряет свою индивидуальность, естественность и личное очарование. Мужчина под воздействием овладевшей им анимы становится беспокойным, гиперсексуальным, эмоционально изменчивым, сентиментальным. Женщина, которой овладел анимус, упряма, доминантна, стремится к командованию,

безжалостна. Это делает личность односторонней. Мужчина завязывает отношения с недостойными, плохими, опасными людьми. Женщина движется по жизни под флагом неадекватных убеждений [3].

Jung видел в аниме и анимусе феномены, показывающие эссенциальную разницу между полами. Если мужчина переживает страстное влечение к женщине, это связано с тем, что именно эта женщина воплощает его аниму, и она кажется ему более красивой, более нуминозной по сравнению с другими женщинами вокруг. Этот факт часто поражает его друзей и знакомых, совершенно не понимающих, «что он в ней нашел». Это и есть феномен архетипной проекции, но только те, кто имел опыт безнадёжной влюбленности, могут правильно оценить, что представляет собой этот феномен. Женщина, на которую проецируется данный архетип, и мужчина, который его проецирует, лишены критики, поскольку они схвачены архетипом. Какие бы сознательные рассуждения и рационализации ни приводились для объяснения сделанного выбора, они носят вторичный характер, так как первичная мотивация находится в нуминозном качестве активизированного архетипа. Сознание мужчины, например, понимает, что выбранная в качестве партнерши женщина ему не подходит, но бессознательное его не слушает и является главным в совершаемом выборе.

Наиболее часто анима появляется в замаскированном виде в сновидениях в образе неизвестной молодой женщины. Хотя она выглядит молодо, в ней ощущается вечность и опыт. Она может быть связана с землей или водой, иметь позитивные и негативные аспекты. С одной стороны, она — заботящаяся, любящая фигура, а с другой — соблазнительница или ведьма. Сны, в которых появляется анима, относятся к Большим снам, они запоминаются, и их нуминозность живет в воспоминаниях длительное время, в отличие от обычных снов, которые вскоре забываются.

Jung уделил значительно меньше внимания концепции анимуса по сравнению с анимой. Этим больше занималась его дочь — Эмма Юнг. По ее мнению, женщины в прошлом были относительно пассивны и настроены на то, что мужчины должны бороться за них, втайне надеясь на появление рыцаря на белом коне. Современные женщины одновременно хотят быть рядом с мужчиной, стремятся к равному статусу и в то же время не хотят расставаться с женской идентичностью.

Концепция анимуса ассоциируется у многих с нездоровым табу, что находит выражение в клинической практике и широком диалоге на тему о гендере (Goss, 2008). Goss, основываясь на клинических примерах, фольклоре и мифологических нарративах об анимусе, объясняет, каким образом негативный анимус является мостом к внутриспсихическому развитию и более емким межличностным отношениям [7].

Frances Gray (2008) также призывает к пересмотру интерпретации анимы и ее роли в психологическом развитии. Автор реинвестирует в аниму позитивные, морально приемлемые значения [8].

Согласно Юнгу, архетипы анима и анимус являются психологическими функциями, которые ведут себя как автономные личности, поскольку они бессознательны, неразвиты и не интегрированы.

Юнг описывает мужчину, которым овладела анима, как обидчивого, слишком чувствительного, раздражительного, тщеславного, ревнивого или как непостоянного, капризного, неконтролируемого, злобного, неверного [16].

В психологии Jung'a маскулинный компонент в психике женщины определяется как анимус. Современные психологи, подверженные влиянию сексизма, воспринимают этот термин с негативным оттенком. Наша практика показывает, что современные женщины, вынужденные гиперсоциализироваться из-за происходящей в обществе инфантилизации мужчин, достигают внутренней гармонии, научившись попеременно «включать», в зависимости от ситуации, мужские и женские стратегии поведения.

Негативный анимус как причина нарушения отношений в диаде «мать — ребенок»

Негативный анимус порождает в женщинах упрямство, догматичность, доминантность, заостренность на принципах.

Эмма Юнг, в сравнении с К. Юнгом, описывала анимус более дифференцированно. Для нее сущность анимуса заключалась в выражении воли, действия и значения [20].

Юнг заимствовал образ Анима из повести Хаггарда "Она" (она должна подчиняться). Эмма Юнг представляла себе этот образ иначе и считала, что слишком долго женщины подчинялись мужчинам и интернализировали в себя этот иерархический порядок. Автор утверждала, что каждой женщине следует научиться находиться лицом к лицу со своим Анимусом (изучать и эффективно контактировать с ним) и, одновременно усиливать свою Аниму (феминность), значение которой в патриархальном обществе недооценивалось.

Asper(1999) считает, что негативный анимус часто может быть симптомом глубокого личностного нарушения, которое связано с негативной матерью [4]. Негативный анимус является симптомом нарциссического нарушения на архетипном уровне. Причиной такого нарушения является негативная Великая Мать. Такой человек не способен любить себя адекватно, он страдает от серьезных проблем с самооценкой, чувством идентичности и автономии. Это нарушение основано на неуспешных материнско-младенческих и материнско-детских отношениях. При отсутствии понимания на эмпатическом уровне происходит блокировка формирования когезивной (спаянной) идентичности и создаются условия для развития нарциссизма.

Причины ранних неадекватных отношений в диаде «мать — ребенок» могут быть различными. Они включают, например, дистанцированную аутистичную мать, раннюю смерть матери, сепарацию от матери в связи с ее болезнью, развод родителей и те же проблемы у отца. Такие эмоционально покинутые дети страдают от родительского бытового невнимания и лишены зеркального переноса [23; 25; 26].

Реальные возможности для развития сильного эго и, соответственно, когезивной идентичности имеет только тот ребенок, который получает зеркальный перенос и чувствует себя на одной эмоциональной волне с матерью или заменяющим ее, осуществляющим заботу человеком. В противном случае у него не формируется доверие к миру, уверенность в себе и чувство внутренней безопасности, что влечет за собой неизбежные проблемы приспособления и адаптации в последующие жизненные периоды. Этому сопутствует чувство самоотчуждения в связи с непониманием других людей, что обусловлено недостаточной ментализацией или ее отсутствием (способностью без слов на эмпатическом уровне адекватно воспринимать психическое состояние другого).

Тем не менее, для выживания ребенок вынужден развивать стратегии приспособления. Одной из них является желание "вписаться" в семейную идеологию с целью, по крайней мере, иметь возможность покупать любовь поведением, заслуживающим родительское одобрение. Эта стратегия включает эмоциональное разделение чувств на "хорошие" и "плохие". Плохие чувства (ярость, ненависть, зависть, скорбь, беспомощность) репрессируются, а хорошие чувства демонстрируются окружающему миру. Поэтому в психологии Юнга говорится о настоящей личности, которую не показывают (Тень), и о Персоне, которая демонстрируется социуму и скрывает настоящую (аутентичную) личность [25].

Другой стратегией выживания ребенка является анимус. Согласно Erich Neumann (1973), патриархальный элемент передается младенцу не столько отцом, сколько — еще раньше — анимусными аспектами матери. Примером служит ситуация, когда ребенок должен приспособиться к жесткой схеме питания. Если он чувствует реальный голод, он вынужден плакать часами, несмотря на то, что его не слышат и/или не замечают.

Ребенок, получивший опыт отвержения, со временем перестает плакать. Его нужды не удовлетворяются, ярость не замечается, и он перестает их выражать. Так развивается латентная депрессия [24]. Ригидность матери постепенно интернализуется и вписывается в органическую составную личности, которую мы называем анимусом. Анимус затем становится движущей силой, с помощью которой ребенок пытается контролировать существование и выжить с помощью рациональности, игнорируя свои чувства и адаптируясь к коллективным ценностям. Деструктивные для себя и других импульсы вызываются этой стратегией. Негативный анимус, таким образом, означает незрелую констелляцию архетипной маскулинности в психике женщины. Он повторяет ригидный анимус фигуры аттачмента из раннего детства. Как симптом нарциссического нарушения он проявляется в неадекватной самооценке.

Мужчины тоже могут проявлять негативный анимус. Это утверждение входит в конфликт с классической концепцией Юнга, согласно которой анимус присутствует в психике женщины, а анима — в психике мужчины. Следует понимать, что то, что проявляется у женщины как негативный анимус, является негативной тенью у мужчины. В этом смысле негативный анимус соответствует мужской тени. Ведущим негативным аспектом мужской тени в нашем обществе является изнасилование. Негативный анимус фактически насилует феминность женщины и ее чувства. У мужчины это — тень насильника, который не может воспринимать чувства своих анимы или анимуса серьезно и не дает им шанса быть услышанными.

Другое объяснение причины психологических проблем у мужчин основано на идее Hillman (1985) и Kast (1984), считающих, что анима и анимус существуют и у женщины, и у мужчины [9; 22].

Asper (1999) предполагает, что такое положение создает меньше проблем для мужчин, чем для женщин, потому что мы живем в патриархальной эре, в которой приветствуются патриархальные ценности. Таким образом, мужчина может идентифицироваться с ними лучше, чем женщина, и его идентичность нарушается меньше, чем у женщины, которая должна уметь идентифицироваться с коллективными феминными ценностями, поощряемыми обществом. Отсутствие таких ценностей, так же, как и воздействие школы и воспитания, вызывают идентификацию женщины с маскулинными коллективными ценностями. Если у женщины существуют нарциссические нарушения, тогда, получив маскулинный импринт слишком рано и слишком эмпатично, ее психика в дальнейшем усиливается маскулинными ценностями, и она оказывается неизбежно и незаметно в состоянии значительного самоотчуждения. Ее феминный сэлф, таким образом, перекрывается патриархальной суперструктурой ее личности и лишается возможности свободного выражения. Этого не случается с мужчиной, так как коллективные ценности, с которыми он идентифицируется, составляют часть его маскулинного сэлфа. Его самоотчуждение, соответственно, менее очевидно, чем у женщины. Однако, подобно женщине, он также становится отчужденным от своих чувств и подавляет или насилует свою аниму. Поэтому он должен освободить аниму от объятий своей негативной тени. В этом смысле его анима становится психическим компонентом, о котором Юнг мог бы сказать: "Она, которая должна подчиняться" [4].

Симптомы негативного анимуса, согласно Asper, включают: рациональность, коллективные суждения, самодеструктивность, деструктивность других. Анимус не теряет способности к рационально-интеллектуальной аргументации, его аргументы звучат обоснованно, но их трудно понять. У жеманной женщины, по мнению автора, негативный анимус вызывает латентную депрессию, защитные механизмы, отчаяние и чувство бессилия. Крайне важно, чтобы такая женщина нашла свой путь к себе. Если ей это удастся, тогда появляется шанс, что негативный анимус будет перекрыт позитивным анимусом. Важно найти путь к эндогамному либидо, потому что оно является условием нахождения пути к настоящему сэлфу. Эндогамное, или родственное, либидо привязано

к субъекту и является нарциссическим. Мы нуждаемся в любви к себе, чтобы найти себя. Самоутверждение является фактором, с помощью которого мы лишаем негативный анимус его силы.

Мужчина должен распознать жадную и неполноценную тень, чтобы освободиться от своей чувственной части — анимы. Одобряемый обществом патриархат представляется нарциссически оскорбительным для женщины и вообще для женственности и в равной степени — для мужской анимы. Внутренняя сущность женщины страдает от патриархальных норм так же, как и чувства мужчины. Негативный анимус и негативная маскулинная тень под влиянием коллективного бессознательного блокируют психическое развитие.

В последние годы природа архетипной маскулинности и феминности ставится под сомнение. Явно недостаточной оказалась традиционная точка зрения Юнга о том, что маскулинность обозначает знание того, чего индивидуум хочет, что делает и чего необходимо достичь. Такое определение подразумевает, что феминность означает нерешительность и беспомощность. В действительности, такие качества, как пассивность и активность, оцениваются совершенно по-разному в различных культурах. Например, в традиционной тантрической индуистской культуре маскулинность означает пассивность, а активность характерна для феминности; в то же время Буддистский тантризм утверждает обратное [5].

Этот процесс отражает матриархальные и патриархальные предубеждения этих культур. Можно предположить, что культура мешает выражению архетипа или что архетип влияет на культуру; хотя возможны оба варианта [12].

Ассертивность и восприимчивость могут присутствовать как в маскулинности, так и в феминности, но в различных пропорциях, или же эти качества могут уравновешивать друг друга, что соответствует Таоистским взглядам о том, что все в Природе состоит из инь- и янь-начал, представленных в различной степени. Другими словами, ассертивность и восприимчивость не являются исключительно маскулинными или феминными качествами, а имеют инь- и янь-подобные свойства.

Нарушение первичных отношений и негативный инстинкт самосохранения порождают негативизированное эго, которое будет использовать защитные механизмы с целью замены любви и безопасности, которыми не смогла обеспечить личность негативная мать.

Негативная анима

Многие мужчины, обратившиеся к нам за помощью, считают, что внебрачные сексуальные связи с их стороны возможны и желательны.

В то же время, более глубокое психологическое исследование выявляет, что в подсознании этих мужчин происходит размежевание — конфликт между негативным и позитивным полюсами архетипа Анимы. В результате такого конфликта женщины делятся на хороших, ассоциируемых с матерью или бабушкой, и «плохих» — носителей привлекающего, но вместе с тем отрицательного начала. Имеет место наличие комплекса ангела-проститутки. Это отношение, по-видимому, выходит в определенном смысле за пределы индивидуального опыта, произрастая из коллективного подсознательного [21].

Комплекс отражает наличие в коллективном подсознательном мужчин «внутренней фигуры» — символической фигуры «анима». Анима является персонификацией различных женских психологических тенденций в психике мужчины, например, таких как смутные неопределенные чувства, восприимчивость к иррациональному, предчувствия и, что очень важно, определяет его отношение к своему глубинному подсознанию. В связи с вышеизложенным можно привести пример из ритуальных эскимосских обрядов, при совершении которых шаманы одеваются в

определенных случаях в женское платье или изображают на одежде женскую грудь. Это делается для того, чтобы продемонстрировать наличие в своей психике женской стороны, посредством которой устанавливается контакт с миром призраков и духов. В процессе подобных действий или через какое-то время после их совершения у некоторых членов племени возникают видения женщины, излучающей яркий свет и дающей советы, как жить дальше. Иногда после этого женский образ появляется во сне.

Часть образа анимы находится в индивидуальном подсознании, и на ее проявление оказывает большое влияние поведение матери. В случаях отрицательного материнского влияния (отсутствие достаточной любви к ребенку, незаслуженные наказания, отвержение ребенка в связи, например, с наличием у матери любовника и т.д.) анима выступает как сила, провоцирующая неуверенность, чувство незащищенности, снижение настроения, меланхоличность. Взрослый мужчина под влиянием видения анимы испытывает тоску, тревожность неопределенного характера, иногда страх заболеть какой-нибудь серьезной болезнью, оказаться жертвой несчастного случая. Анима может выступать в виде соблазнительницы, искушающей мужчину и затем унижающей его. Мы останавливались на этой стороне проблемы при описании феномена роковой женщины в монографии «Сексуальность в постсовременном мире» [2]. Добавим, что негативная сторона анимы отражена в греческом мифе о сиренах и немецком мифе о Лорелее.

В случаях положительного отношения матери влияние анимы также может быть отрицательным, однако это происходит уже по другим механизмам. Чрезмерная материнская любовь, гиперопека приводят нередко к тому, что, начиная с детского возраста, мужчина лишается возможности развивать мужские качества. Он полагается во всем на женщин, оказываясь мало приспособленным к самостоятельной жизни. В таких случаях влияние анимы на некоторых мужчин выражается в чрезмерной ранимости и чувствительности, склонности к истерическому поведению. В более скрытой форме анима возникает в сказках, где присутствует принцесса или царевна, предлагающая своим поклонникам (кандидатам в мужья) разгадывать загадки или прятаться где-нибудь поблизости. Если загадка не разгадывается или принцесса находит прячущегося потенциального жениха, его тут же убивают. Анима в такой замаскированной форме вовлекает мужчин в деструктивную интеллектуальную игру, в псевдоинтеллектуальные диалоги и подобные формы активности, мешающие им вступать в прямой контакт с жизнью, принимать реальные решения. Мужчина в таких случаях рефлексирует так сильно, что теряет свою спонтанность и способность к выражению чувств.

Стремление мужчины к отрицательной стороне анимы проявляется в желании изведать что-то порочное и, вместе с тем, притягивающее своей таинственностью и неопределенностью, хотя это всегда связано с риском. Такие клиенты описывают отношение к женщине формулой «Жить с ней невозможно, но очень хочется». Своя внутренняя анима может быть спроецирована мужчиной на ту или иную реальную женщину, которой приписываются все качества анимы. Женщины «русалочьего», «сказочного» вида обладают особой притягательной силой, так как на них легче совершается проекция. У мужчины при этом возникает чувство, что он знал эту женщину всю жизнь и готов всем пожертвовать, лишь бы добиться ее, при этом не имеет значения, что в действительности представляет собой эта женщина. Более того, проекция отрицательной стороны анимы неизбежно приводит к связи с роковыми женщинами, далекими от таких качеств, как скромность, высокая мораль, а так же от образа хранительницы домашнего очага.

Позитивная анима

Положительная сторона анимы проявляет себя в различных аспектах жизни мужчины. Она способствует, например, правильному выбору брачной партнерши. Под ее влиянием мужчина способен выходить за пределы свойственной ему логической

рассудительности и использовать энергию подсознания, что способствует творческому подходу, создает подготовительное поле для возникновения озарения. Положительная сторона анимы является для мужчины внутренней силой, придающей ему чувство уверенности в себе, она осуществляет роль посредника для интуиции, на основании которой мужчина способен вести себя экзистенциально, подчиняясь не внешним конъюнктурным требованиям, а руководствуясь своим внутренним видением мира. Влияние положительной анимы позволяет контролировать эмоции, воображение, фантазии и выражать их в художественной форме в виде музыки, литературы, живописи и др. Настоящие произведения искусства возникают при использовании материалов глубинного подсознания. Положительная сторона анимы учит мужчину разбираться в чувствах, относиться к женщине, как к Деве или Ангелу.

Сегодня для некоторых современных мужчин остается актуальным почитание культа девственности, которая ассоциируется с чистотой и положительными качествами невесты. Это отношение имеет непосредственную связь с мифологией. Так, например, в древнегреческой мифологии три из шести основных богинь — Артемида, Афина и Гестия — были девственницами. Род занятий трех остальных полностью исключал девственность. Трудно представить девственницей богиню любви Афродиту. Деметра — богиня земли и плодородия — также не могла оставаться девственницей. Гера, хотя и являлась женой Зевса, каждый год восстанавливала свою девственность, купаясь в священном источнике. Сверхценное отношение к девственности сохранялось во многих культурах в течение тысячелетий. Оно актуально для мужчин и в настоящее время. В этих механизмах немаловажное значение имеет протестное отношение мужчины к своей матери как к женщине, живущей половой жизнью. Реакцией на осознание этого факта является двойственное отношение к женщинам вообще (комплекс ангела-проститутки). Одним из выражений такого подхода служит возникновение мифа о «святой» проститутке, т.е. проститутке с доброй, всепрощающей душой, достойной настоящей любви и способной на нее. В этой связи можно вспомнить, например, образ Сони в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского, образ главной героини «Одиннадцати минут» П. Коэльо и др. В этих образах в той или иной степени звучит мотив вынужденности заниматься проституцией в связи с тяжелыми условиями жизни.

Таким образом, у мужчин имеет место выраженная, хотя и скрытая обычно, тенденция рационализировать в определенном плане сексуальное поведение. Это проявляется и в действиях — в постоянном поиске качеств, свойственных «хорошим» и «плохим» женщинам, что оказывается ловушкой, так как найти женщину, обладающую качествами заботящегося и всепрощающего ангела и в то же время удовлетворяющую всем сексуальным желаниям, очень трудно.

Интересно, что, отвечая на вопрос о том, какие качества женщины, с которой намерены вступить в длительные отношения, они считают наиболее важными для себя, мужчины, по нашим данным, наиболее часто называли заботу и умение быть хорошей хозяйкой дома. На первый план выступала потребность чувствовать себя дома максимально комфортно, не подвергаясь стрессам, получать внимание, иметь возможность положиться на жену и быть свободным от забот, связанных с бытом.

Анализ реально возникающих семейных конфликтов показывает, что в ряде случаев у мужчин возникает противоречие между имиджем мужественности, подразумевающим самостоятельность, силу, независимость, и стремлением быть социопсихологически зависимым от жены. Последнее, как правило, тщательно скрывается, маскируется различными формами поведения, включая маски, разыгрывание роли «сильного человека», демонстрацию своих возможностей (обычно значительно преувеличенных). Такие мужчины выбирают стратегию ухода от ответственности, стараются не принимать решений, предоставляя это женам. Если решения оказываются неправильными, они обвиняют жен, при удачном раскладе стараются приписать успех себе. Жены становятся для таких мужчин своеобразным

громоотводом, мужчины проецируют на них чувство собственной неполноценности, неуверенности в своих возможностях и силах. Зависимость мужчин от женщин может быть очень выраженной, хотя при этом они заявляют, что «ни в ком не нуждаются».

Скрытое стремление к зависимости проявляется не у всех мужчин и может быть разным по степени выраженности. Эта психологическая особенность должна учитываться в терапии, так как ее непонимание может приводить к неблагоприятным развитиям межполовых, в особенности семейных, отношений. Из этого вовсе не следует, что систему зависимости нужно стремиться во всех случаях разрушать. Жизнь всегда сложнее любой схемы и тем более догмы. Зависимость мужчины от женщины может устраивать последнюю, хотя неизбежно предполагает её эксплуатацию. Женщина имеет вторичную выгоду от таких отношений, дающих возможность держать ситуацию под контролем, занимать доминирующую позицию. Некоторые женщины реализуют таким образом свой материнский инстинкт, относясь к мужу, как к ребенку, который полностью зависит от нее. Напомним, что подобные отношения зависимости очень характерны для семей с алкогольными или другими аддиктивными проблемами мужа, который сочетает аддикцию с зависимостью от жены. Более подробно мы останавливались на этом вопросе в книге «Психосоциальная аддиктология» [1].

Психологическое интервью мужчин различных возрастных групп обнаруживает, что они придают также большое значение правдивости, честности и искренности женщин, на которых собираются жениться. Они не хотят связываться с женщинами, которым нельзя доверять, которые скрывают правду и обманывают их. Правдивость и искренность расцениваются как доказательства любви. Здесь отражено вполне понятное стремление чувствовать себя уверенно в семье, связать свою жизнь с человеком, которому можно доверять в ситуациях неуспеха, поражения, болезни и др.

Описанные мотивации не всегда работают при заключении брака. Они «не срабатывают» в случаях внезапной страстной влюбленности, возникающей по механизму проекции образа анимы на женщину, что сопровождается полным уходом из сферы рационального мышления и реалистического отношения к избраннице. Союзы, возникающие на такой основе, могут в каких-то случаях быть счастливыми, однако чаще всего они кратковременны и заканчиваются разрывом отношений, после чего остается чувство перенесенной болезни, наваждения или даже безумия. В то же время, нужно констатировать, что на заключение подобных союзов оказывает несомненное воздействие широко распространенное у населения мифологическое представление о благородстве, истинности так называемой «романтической» любви, которая считается наиболее совершенным сексуальным отношением. «Любовь с первого взгляда», согласно этому мифологическому подходу, противопоставляется «расчету», под которым понимаются любой рациональный или просто разумный подход и попытка объективного анализа.

Романтическая любовь подразумевает непременно встречу с идеалом. Все развивается по следующему сценарию. Молодой человек встречает девушку. Они влюбляются друг в друга «с первого взгляда», возникает вибрация любви, проскакивает нечто вроде электрического разряда. Ухаживание проходит как в тумане, влюбленные находятся в постоянном экстазе. Они преодолевают все препятствия, возникающие на их пути, и вскоре женятся. После брака, в соответствии с мифологическим сценарием, они живут счастливой, безоблачной жизнью. Молодые, попадая в такую мифологическую ловушку, строят свои отношения на иллюзорном материале, они ожидают от отношений и от жизни невозможного. Чувство реальности разрушается, заменяясь мифологическими образами. Опасность такой замены состоит также и в том, что человек отвлекается от понимания того, что совершенство достигается в жизни ценой усилий, обучения, преодоления трудностей, приобретения опыта. Миф уводит от реальности повседневной семейной жизни, включающей и финансовые трудности, и необходимость заниматься домашней работой: грязной посудой, стиркой, приобретением продуктов, приготовлением пищи и многим другим. С появлением

ребенка проблем становится больше, особенно в условиях сегодняшних кризисов. Трудности преодолеваются при условии взаимной любви, взаимопонимания, уважения интересов друг друга. В противном случае разочарование и последующий разрыв неизбежны. Нельзя забывать, что сексуальная сторона сама по себе не является решающим фактором в союзе «на длинную дистанцию». Акцент на одном только сексе не способен решить сложные жизненные проблемы. Мы подчеркиваем это положение, поскольку нам приходилось неоднократно встречаться с ситуациями, когда мужчина, ставя во главу угла сексуальную сторону жизни, пытался с ее помощью выйти из лабиринта постоянно увеличивающихся затруднений, усиливающихся конфликтов, нарастающего раздражения и неудовлетворенности жены. Имела место своеобразная борьба за достижение «сексуального совершенства», причем подразумевалось, что таким путем можно «успокоить женщину», «сделать ее счастливой», отвлечь от других проблем, потому что, «если говорить серьезно, то она в этом только и нуждается, хотя сама не понимает, что ей нужно». Такая стратегия, естественно, приводила к фрустрации, вызывала фригидность со стороны жены и в ряде случаев — развитие импотенции у мужчины. Сексуальное совершенство как изолированный феномен невозможно, оно в такой ситуации всегда приведет к разочарованию. Сексуальная привлекательность не заменяет других общих интересов и не избавляет от необходимости делить друг с другом невзгоды повседневной жизни.

Понятие сексуального совершенства не обязательно должно совпадать у мужчины и женщины, находящихся в интимных отношениях. Мужчина подразумевает под ним дикую страсть, а женщина — необычную нежность. Эти чувства не всегда гармонично сочетаются, они могут приводить к напряжению и конфликтам, к разочарованию, отчуждению.

В заключение подчеркнем, что ошибки взаимного выбора, к сожалению, чрезвычайно часты. Этим во многом объясняется столь высокое число разводов. От молодого мужчины (как и от женщины) нельзя ждать способности разобраться в характерологических особенностях выбираемой женщины (и наоборот). Все выясняется позже, как правило, после окончания медового месяца, когда становится ясным, по-прежнему ли присутствие другого человека столь же приятно, сохраняется ли ощущение психологического комфорта, лучше ли чувствует себя каждый, когда они вместе, или им лучше быть порознь. Знание психологии вопроса не способно, конечно, стать спасательным кругом, однако оно является серьезным вспомогательным компонентом, заставляющим лишний раз задуматься перед принятием ответственного решения.

В нашем обществе некоторые мужчины чувствуют себя неуверенно в отношении своей мужественности, скрывая это чувство от постороннего взгляда. В процессе внутренней борьбы с комплексом неуверенности мужчины часто прибегают к стратегии постоянной проверки своих сексуальных возможностей с разными партнершами. Мы еще раз подчеркиваем этот факт, так как в настоящее время становится все более важным понимание мужчинами, что мужественность не измеряется исключительно сексуальной потенцией, а состоит из многих качеств. В связи с этим следует обратить внимание на то, что чрезмерное, можно сказать, сверхценное внимание к потенции приводит многих мужчин к опасению или страху, что любое временное затруднение в этой области может оказаться стойким. Такое восприятие представляет серьезную угрозу их мужской интегральности. Сексуальный миф о мужественности как сексуальной потенции бывает крайне деструктивным, он создает основу для возникновения хронических стрессовых состояний у мужчин, в частности, как показывают наши наблюдения, способствует развитию тревожных состояний в зрелом возрасте.

Эмоциональная зрелость мужчины помогает воспринимать естественное старение без тревоги, с пониманием того, что сексуальные железы и гормоны — это не единственное, что делает мужчину мужчиной. Мужчина должен воспринимать себя таким, какой он есть, а не жить в плену мифологических представлений. Это наиболее продуктивный подход к освобождению от страха и неуверенности.

ПЕРСОНА

Юнг считает, что персона является архетипом, исходя из ее повсеместного и неизбежного характера. Любое общество нуждается в улучшении межличностных отношений. Эта функция частично осуществляется персонами вовлеченных в коммуникации индивидуумов.

По мнению Артура Шопенгауэра, персона является тем, как человек представляет себя себе и окружающему миру, но не тем, кем он является в действительности.

Согласно Jung'у, персона возникает в качестве функции отношений и является «ложным Self'ом» — приобретенной личностью, составленной из чужих убеждений». Jung, таким образом, противопоставляет персону настоящему внутреннему Self'у — душе человека [13].

Персона как маска является коллективным феноменом, она во многом тождественна, например, у людей одной профессии, одного социального статуса. Термин "коллективный" в данном случае обозначает лишь поведение человека в рамках коллективной роли. Его не следует путать с термином "коллективное бессознательное". Анализируя персону, мы убеждаемся, что она — не настоящее индивидуальное "Я". Персона — лишь компромиссное образование, "вторичная реальность", в ней всегда больше заимствованного от других, чем собственного. В то же время, Jung признает, что персона не есть исключительно коллективный феномен, она все-таки отражает частично эссенциальный, «индивидуальный» Self.

В процессе психоанализа происходит "снятие" маски, пациент/пациентка лишается персоны, проявляется настоящий Self, истинная индивидуальность, которая топографически ближе к глубинному коллективному бессознательному, чем персона с элементами индивидуального Self'a. Признаками такого приближения к коллективному бессознательному при "растворении" персоны в процессе психоанализа являются стимуляция воображения, творческого потенциала, появление "Больших Сновидений" и архетипного содержания. Наряду с этим возможны переживания катастрофы, конца мира.

Согласно Jung'у, разрушение персоны может привести к: 1) развитию паранойи или шизофрении вследствие коллапса его и инфляции сознания материалами коллективного бессознательного; 2) развитию регрессивного или эксцентрического поведения в связи с отсутствием социальной адаптации; 3) восстановлению регрессивной персоны, защищающей от дальнейших влияний бессознательного, что характерно для людей, испытывающих страх самопознания; 4) возможной идентификации с архетипами коллективного бессознательного, встречающимися в сновидениях и фантазиях, в результате чего происходит "потеря себя" в архетипных образах [Там же].

Идентификация с персонной создает условия для развития невротических расстройств, т.к. в этом случае жизнь основывается на уходе от себя, от самовыражения, раскрытия многих потенциальных способностей с развитием постоянного психологического дискомфорта, несмотря на внешнее благополучие. Персона никогда не является постоянным характером человека. Она — составная часть индивидуального и прежде всего ролевого поведения, проявляемого в соответствии с принятыми в обществе нормами и правилами. В этой связи Jung обращал внимание, что биографии известных людей представляют собой историю персоны и часто содержат очень мало индивидуальной правды [16; 17].

В современном обществе происходят быстрые изменения, и человек с целью приспособления создает многочисленные маски, обучаясь вести себя в соответствии с ролью различных, иногда полярных фигур с нередко разными культуральными традициями. Он «надевает» маски знаменитостей, героев, персонажей, «раскрученных» средствами массовой информации. Ему необходимо исполнять роли, требуемые формами

общения на различных профессиональных и социальных уровнях. Количественная представленность персоны возросла в сравнении с традиционным обществом. В новых условиях становится труднее сохранять настоящую идентичность, структуру «Я» за часто меняющимися множественными масками, которые на каком-то уровне связаны друг с другом. Границы между этими персона-идентичностями часто стираются. Тем не менее, многообразие ролей дает шанс способствовать расширению Self'a, его росту за счет усвоения различных, часто очень далеких друг от друга содержаний, заимствованных из опыта различных культур в многонациональном и многорасовом обществе. Маски создают возможность испытать, пережить другой Self в течение определенного, относительно короткого периода времени. Они позволяют испытать новую персона-идентичность и сравнительно легко выскользнуть из нее, вернувшись к прежнему состоянию. Иными словами, персона может быть метафорически представлена как лицензия на другой способ поведения. Создание персоны дает возможность посмотреть на себя с другой стороны, в рамках иной перспективы.

Согласно Сэмуэлсу Э., с соавт. (2016), разные культуры устанавливают различные социальные нормы для персоны, однако со временем происходит их изменение и эволюция, так как лежащая в основе архетипная модель подвержена бесконечным вариациям. Иногда под персоной подразумевается социальный архетип, включающий условности, требуемые для участия в общественной жизни [3].

Персону нельзя рассматривать как ложную или патологическую по своей природе. Риск патологии возникает, если индивидуум слишком близко идентифицируется со своей персоной (срастается с маской). Такая идентификация приводит к потере осознания себя вне социальной или гендерной роли и к неспособности к созреванию (например, неумению адаптироваться к процессу взросления) и личностному росту.

Идентификация с персоной ведет к формированию психологической ригидности или ломкости. Бессознательное стремится взорвать сознание скорее, чем влиться в него в управляемой форме. Это, в случае идентификации с персоной, способно только к внешней ориентации. Оно остается слепым к внутренним состояниям и поэтому неспособно реагировать на них. Из этого следует, что человек может не осознавать свою персону.

Персона является медиатором (посредником) между эго и внешним миром, во многом так же, как анима и анимус — между эго и внутренним миром. Поэтому персона и анима/анимус могут рассматриваться как оппозиционные психические силы. В то время как персона занята сознательной и коллективной адаптацией, анима и анимус связаны с адаптацией ко всему тому, что является внутренним, индивидуальным и личностным [Там же].

ТЕНЬ

Юнг дал определение тени как "того, чем индивидуум не хочет быть". Это простое определение суммирует многостороннее и повторяющееся отношение к тени как к негативной стороне личности, как к неприятным качествам, которые индивидуум пытается скрыть, как к примитивной, лишенной ценностей стороне человеческой природы. Юнг осознавал всю реальность злого начала в жизни. Тень — это то, о чем не хочется говорить. Если бы люди этого хотели, это не называлось бы тенью [Там же].

У человека, привыкшего мыслить и чувствовать в категории, называемой асценсионизмом, происходит архетипное поклонение лучезарным Богам и Богиням. Такие люди уверяют друг друга, что все индивидуумы по существу хорошие, но их испортили социальные и политические влияния и те, кто живет в мире грусти и скорби. Они считают, что земное существование является благодетельным божеством. В асценционистской мифологии природные катастрофы — это отклонения; деструктивных божеств не существует, нет ни Шивы, ни Кали, ни Бабы-Яги.

Люди обычно стараются, насколько возможно, игнорировать плохие события, считая, что, несмотря на то, что они "случаются" с нами, мы не являемся их частью. Совершаемые на протяжении тысячелетий акты насилия, свидетелями или участниками которых были наши предки, складываются в отдаленном месте психики, в Тени. Людям хотелось бы прожить всю жизнь без осознания собственной тени.

В настоящее время изучение человеческой тени приобрело очень важное значение, когда средства массовой информации предлагают нам изображение прошлого с исключительно положительно окрашенной односторонней информацией. Капитализм победил социализм, а сейчас его тень старается победить культуру, стимулируя коллективный инфантилизм, неспособный противостоять теневым архетипам.

В этом контексте искусство, музыка, литература являются произведениями, выражающими не только светлые, но и темные стороны психики. Например, такие писатели, как Шекспир, Диккенс, Солженицын, Замятин, Достоевский, Джойс, Фолкнер, Элиот, хорошо поработали с Тенью как в своих литературных творениях, так и в личной жизни.

Юнг часто подчеркивал, что тень имеется у каждого из нас и что все предметы бросают тень. Это можно представить символически как свет по отношению к темноте. Тень делает нас человечными. " Каждый несет тень, и, чем меньше она воплощена в индивидуальном сознании, тем более темной и густой является. Если негативная сторона осознана, всегда есть шанс ее скорректировать. Более того, тень постоянно взаимодействует с другими потребностями и может изменяться. Но если тень репрессирована и удалена от сознания, она никогда не корректируется и способна внезапно ворваться в сознание. Она препятствует самым благим намерениям" [15].

Юнг идентифицировал тень как содержания индивидуального бессознания. Они контролируют тень точно так же, как выражение инстинктов контролируется социальными нормами. Более того, содержания индивидуального бессознания смешиваются с архетипными содержаниями коллективного бессознательного, сохраняя и усиливая свою темную сторону. Другими словами, избавиться от тени невозможно.

Принимая во внимание, что тень является архетипом, ее содержания мощны, насыщены аффектом, навязчивы, автономны, способны овладеть эго. Вначале они появляются в проекции. Когда сознанию что-то угрожает, тень находит выражение в сильной иррациональной проекции на кого-то извне. Такая проекция может быть негативной и позитивной. Этот механизм лежит в основе личных антипатий, предубеждений, вражды и агрессии в мире.

При определении этого понятия у ряда авторов встречаются разночтения, касающиеся локализации тени. Формально тень локализуется на уровне индивидуального бессознательного. Тень — это то, что человек не хочет знать о себе, это его скрытая, подавленная сторона. Вместе с тем, тень связана с глубинным, коллективным бессознательным. Она испытывает на себе его сильное влияние и поэтому при своих проявлениях может выходить за пределы, объяснимые индивидуальным опытом. Далеко не всё в тени может быть понято на рационально-логическом уровне. Попытка объяснения человеком ряда действий в некоторых случаях носит, по сути дела, лишь формально убедительный характер. Тень является противоположностью персоны, отражающей роль, играемую человеком в обществе. Тень — это страж, стоящий на вратах бессознательного.

В аналитической психологии существует понятие «акцептация» (принятие) тени, означающее мирное сосуществование с ней. Акцептация требует отказа от чересчур завышенных идеалов, основанных на иллюзии, в противном случае человек оказывается вовлеченным в бесконечное, чрезмерное лицемерие и обман.

Если человек усердно подчеркивает только свои положительные стороны и старается убедить других в том, что он состоит только из одних достоинств, это является самообманом и обманом других людей. Существует немецкая поговорка: «Только дьявол не имеет тени». Речь идет о том, что, если имидж, создаваемый человеком и презентуемый им психологический портрет слишком хороши, это должно настораживать. Известно, что людей без недостатков не бывает. Если психологически зрелый человек находит в себе смелость признать наличие тени, у него появляется возможность определенных изменений в результате отреагирования.

Анализ правонарушений, совершаемых по отношению к близким людям во время алкогольного опьянения, показывает, что дисфункциональные отношения, сопровождающиеся подавленным чувством ненависти, существуют в таких семьях на протяжении многих лет. Если бы эти отрицательные чувства осознавались и анализировались, это сделало бы возможным их отреагирование, что помогло бы избежать ситуаций, провоцирующих прорыв тени из индивидуального, а частично и из коллективного бессознательного в сознание. Такой прорыв может приводить к трагическим последствиям. Коллективное бессознательное оказывает влияние на тень и, активизируясь в ее структуре, может приводить к неожиданным, в том числе и к социально опасным действиям.

Воздействием коллективного бессознательного можно объяснить описанный Bizezicki феномен парагномена. Парагномен является неожиданным совершением какого-то необычного и непрогнозированного поступка, не соответствующего прежнему поведению человека, на фоне ненарушенного сознания. Поступок остается в памяти, но не может быть объяснен человеком, который его совершил. Обычно через какое-то время после парагномена развивается шизофренический психоз.

Психотерапия должна включать проработку тени. У клиента необходимо развить умение распознавать имиджи и ситуации, которые наиболее вероятно провоцируют проекции тени в повседневной жизни. Важно научить клиента использовать в жизни скрытые в тени ресурсы.

ВЕЛИКАЯ МАТЬ

К числу женских архетипов относится архетип Великой Матери. Женщины, у которых возникает активация этого архетипа, приписывают себе необычные свойства, качества и силу. Так же, как и в случае с архетипом Старого Мудреца, возникает убежденность в том, что такая женщина всегда права. Появляется «миссионерская активность», направленная на то, чтобы пробудившуюся силу, данную ей свыше, проявлять каким-то образом. Чаще всего появляется желание влиять на других людей: членов семьи, родственников, друзей, сотрудников по работе. Отсутствие умения находить компромисс и убежденность в своей беспрекословной правоте во всем рождает императив, которому обязаны следовать окружающие. «Вы должны делать так потому, что я считаю, что это — Истина. Все делается для вашего блага. Если вы будете поступать по-другому, это наказуемо и чревато отрицательными последствиями». Возникает стремление насильно осчастливливать других для их же блага (по принципу — «догнать и осчастливить»). Любое сопротивление окружающих вызывает агрессию.

Архетип может проявляться с разной силой и в разных вариантах — от обычного стремления к доминированию до навязывания «единственно правильной» точки зрения и гипертрофированной бескомпромиссности. В случае отождествления такой женщиной себя с Матерью-Землей и Матерью-Природой возникают особенно тяжелые последствия. Архетипы Старого Мудреца и Великой Матери продуцируют идеи величия.

Великая Мать представляет центральный аспект феминного архетипа. Термин "Великая" отражает ее безвременный характер и ее нуминозное превосходство над всем земным и просто человеческим. С одной стороны, Великая Мать — креативная и любящая; с другой стороны, она деструктивна и полна ненависти (Хорошая Великая Мать и Ужасная Великая Мать).

Хорошие и Ужасные аспекты материнского архетипа определяют поведение матери по отношению к ребенку преимущественно на бессознательном уровне психической активности. Когда правит Хорошая Великая Мать, все мирно и спокойно, но, когда активизируется Ужасная Мать, наступает кромешный ад — ярость, непрерывный крик на ребенка и даже его избиение. Ретроспективно, после минования приступа, она может оценить свое поведение как постыдное.

Великая Мать является названием общего имиджа, заимствованного из коллективного культурального опыта. Как имидж она проявляет архетипную полноту, но также позитивно-негативную полярность. Младенец старается организовать переживания своей ранней ранимости и зависимости от матери вокруг позитивного и негативного полюсов. "Позитивный полюс притягивает такие качества, как материнская забота и симпатия; магический женский авторитет; мудрость и спиритуальная экзальтация, которые перекрывают рассудок; любой полезный импульс, все, что дает надежду и поддерживает, что стимулирует рост и плодовитость. Вкратце — хорошую мать. Негативный полюс представляет плохую мать: все секретное; скрываемое; темное; пропасть; мир мертвых; все, что поглощает, соблазняет и отравляет, что ужасно и неизбежно, как судьба" [14; 19, p. 158].

В перспективе развития личности это означает расщепление материнского имиджа. Юнг, в связи с этим, обращает внимание на то, что такие контрасты широко распространены в культуральном воображении всех людей, поэтому человечество не находит странным факт расщепления матери. В конце концов, младенец обучается контактировать с матерью как с личностью и объединять оппозиционные представления о ней для целостного ее восприятия [3].

Юнг чувствовал, что качество имиджа Великой Матери различно у мужчин и женщин. Поскольку то, что женственно, чуждо мужчине, оно будет позиционировать себя в бессознании и отсюда распространять более сильное влияние в связи со своей скрытостью. Но женщина разделяет ту же сознательную жизнь, что и ее мать, и отсюда имидж матери менее пугающ и менее привлекателен для нее, чем для мужчины. Здесь Юнг мог идеализировать материнско-дочерние отношения, игнорируя их соревновательный аспект и рассматривая их в перспективе своего времени. Подобным образом автор обозначает качественные различия между материнским архетипом, отражающим его культуру [Там же].

АРХЕТИП СТАРОГО МУДРЕЦА

Архетип обладает атрибутами Высшей Силы — Всезнания, Всепонимания, Всемогущества. Активизация архетипа приводит к развитию идей переоценки своих возможностей, выходящих за границы реальности. Находящийся во власти архетипа человек считает, что обладает сверхчеловеческими возможностями, что его мысли имеют исключительное значение для других и для судьбы мира в целом. Все, что он придумывает, является истиной в последней инстанции. Иногда он воспринимает себя как Мессию, как посланника Высшей Силы. Задействование архетипа сопровождается выбросом большой энергии, которая в обычных условиях не свойственна этому человеку. Это энергия коллективного бессознательного.

Архетип Старого Мудреца оказывает сильное харизматическое воздействие на окружающих. Как правило, пациент, высказывающий бредовые идеи величия, вызывает чувство сожаления, смех и пр. Однако тот, кем овладел этот архетип, обладает большой силой убеждения. Окружающие верят ему, как пророку, как лидеру, и это опасно, т.к. проявление архетипа контагиозно, как инфекция, и может вызывать явления массового индуцированного фанатизма. Задействованность архетипа имеет место у религиозных, политических и других фанатиков. Пока люди находятся в сфере влияния такого человека, ему верят. Архетип Старого Мудреца способен активизировать тот же архетип у других людей. Хорошо, что у преобладающего числа лиц индуцированная активация

кратковременна и не проявляется вне зоны непосредственного воздействия архетипа. Плохо, что у некоторых лиц активация может оказаться длительной, способной вызвать у окружающих эффект «снежного кома».

АРХЕТИП ТРИКСТЕРА

Leonhard'ом описан психоз счастья, причиной которого является прорыв из бессознательного архетипа Трикстера. Лица, страдающие психозом, имеют блаженно экзальтированный вид. Они как бы излучают энергию и убеждены в том, что само их присутствие очень благотворно воздействует на окружающих, делает других лучше, счастливее и здоровее.

Образ шута в виде архетипа Трикстера проявляется в дурашливом поведении, которое в относительно слабо выраженном варианте находит выражение в неадекватных шутках, раскованном поведении, цинизме, нарушении правил приличия, этики и морали. Необходимость «разгрузки» архетипа Трикстера в социально приемлемых формах находит отражение в народных обычаях, праздниках в различных культурах. С этой целью проводятся карнавалы, праздники Природы, Весны, Хэллоуин и др.

Гипертрофированное выражение архетипа Трикстера становится разрушительным для сознания. Клинически это выражается в том, что пациент, обычно подросток, начинает постоянно делать пакости окружающим; неадекватно, неуместно и часто смеяться над тем, что не вызывает никакого смеха у других; спонтанно нецензурно браниться, используя выражения, не свойственные ему раньше; кривляться, гримасничать, немотивированно хихикать. Появляется тенденция к сексуализации действий и высказываний, которые носят грубый и циничный характер. Обычные эмоциональные реакции сопереживания, сочувствия и сострадания исчезают. Дальнейшее усиление архетипа приводит к распаду его. Возникают инкогерентность (несвязанность), импульсивное поведение, неожиданность поступков, эксгибиционизм, неопрятность. Появляется тенденция к стереотипиям — повторению одних и тех же выражений и слов. Деструктивная сила архетипа Трикстера нашла художественное воплощение в американском фильме «Клоуны-убийцы».

У человека может быть любое число архетипов. Юнг сравнивал их с инстинктами, которые определяет поведение на биологическом уровне, и считал их регуляторами психической жизни, организующими и направляющими психические процессы. В течение жизни без знания специальной информации об архетипах человек не осознает, что находится под влиянием коллективно бессознательных архетипных сил [10; 11]. Если влияние коллективного бессознательного усиливается, его оказывается «схваченным» архетипными импульсами, которые поработают человека. Знание этого факта весьма полезно, поскольку оно помогает в какой-то мере контролировать ситуацию. Поскольку архетипы имеют как позитивную, так и негативную стороны, контроль заключается в попытке активизировать первую за счет второй, вступая в диалог с архетипными силами во время психотерапии.

Литература

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. – Новосибирск: Олсиб, 2001. – 251 с.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире. М.: Академический Проект; Культура, 2011. – 326 с.
3. Сэмюэлс Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К.Г. Юнга. – 3-е изд. – М.: «Добросвет»; ИД «Городец», 2016. – 264 с.
4. Asper K. Verlassenheit und Selbstentfremdung. Neue Zugänge zum therapeutischen Verständnis. – 7. Auflage. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. – 333 s.

5. Bharati A. The Tantric Tradition. – New York: Samuel Weiser, 1975. – 348 p.
6. Fordham F. An Introduction to Jung's Psychology. – Harmondsworth: Penguin Books, 1964. – 127 p.
7. Goss P. Envisaging Animus: An Angry Face in the Consulting Room // Dreaming the Myth Onwards: New Directions in Jungian Therapy and Thought / edit. by L. Huskinson. – London, New York: Routledge, 2008. – P. 145–155.
8. Gray F. Plato's Echo. Feminist Refiguring of the Anima // Dreaming the Myth Onwards: New Directions in Jungian Therapy and Thought / edit. by L. Huskinson. – London, New York: Routledge, 2008. – P. 156–167.
9. Hillman J. Anima: an Anatomy of Personified Notion. – Dallas: Spring, 1985. – 200 p.
10. Jung C.G. The Role of the Unconscious (1918) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 10. Civilization in Transition. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 3–28.
11. Jung C.G. The Therapeutic Value of Abreaction (1921) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 16. The Practice of the Psychotherapy. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 470.
12. Jung C.G. Woman in Europe (1927) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 10. Civilization in Transition. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P.113– 133.
13. Jung C.G. The Relations between the Ego and the Unconscious (1928) // C.G. Jung Collected Works of C.G. Jung. Vol. 7. Two Essays on Analytical Psychology. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1953. – P. 123–304.
14. Jung C.G. Psychological Aspects of the Mother Archetype (1938) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 9, Part I. The Archetypes and the Collective Unconscious. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 66; 158.
15. Jung C.G. Psychology and Religion (1938) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 11. Psychology and Religion: West and East. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 11; 131; 149.
16. Jung C.G. Concerning Rebirth (1940) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 9, Part I. The Archetypes and the Collective Unconscious. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – P. 113–149.
17. Jung C.G. On the Nature of the Psyche (1947) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 8. The Structure and Dynamics of the Psyche. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960. – P. 159–234.
18. Jung C.G. Concerning Mandala Symbolism (1950) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 9, Part I. The Archetypes and the Collective Unconscious. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – P. 633.
19. Jung C.G. On the Psychology of Trickster-Figure (1954) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 9, Part I. The Archetypes and the Collective Unconscious. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – P. 255–272.
20. Jung C.G. Anima and Animus. – N.Y.: Spring Magazine, 1957.
21. Jung C.G. Man and His Symbols. – New Haven: Yale Universities Press, 1964. – P. 121.
22. Kast V. Paare. – Stuttgart: Kreuz Verlag, 1984. – 177 s.
23. Kohut H. The Analysis of the Self: A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorder. – Chicago, IL, US: University of Chicago Press, 1971. – 384 p.
24. Neumann E. The Child. – New York: G.P. Putnam's Sons, 1973. – 225 p.
25. Winnicott D. Playing and Reality. – London: Tavistock, 1971. – 169 p.
26. Winnicott D. The Maturation Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development. – Madison, CT: International Universities Press, 1965. – 296 p.

The Basic Archetypes in Classical Jungian and Contemporary Considerations

Korolenko C.P.¹

E-mail: lengyel34@mail.ru

Dmitrieva N.V.^{2, 3, 4}

E-mail: dnv2@mail.ru

¹ Novosibirsk State Medical University
Krasny Prospect 52, Novosibirsk, 630091, Russia
Phone: +7 (383) 222-32-04

² Eastern European Institute of Psychoanalysis
Bolshoy prospectus PS, 18A, St. Petersburg, 197198, Russia
Phone: +7 (812) 235-11-39

³ Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
13A, 12 liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia
Phone: +7 (812) 321-96-16

⁴ Novosibirsk Institute of Clinical Psychology
Pisareva, 4, Novosibirsk, 630091, Russia
Phone: +7 (383) 291-55-27

Abstract. According to Jung's theory, the archetypes are universal inherited mental structures that constitute the content of the collective unconsciousness. The archetypes are autonomous centers of energy, powers which act on consciousness through symbols, archetypal messengers. Archetypes represent in condensed form unlimited years of human experience constituting the sum total of the psychological functioning of our ancestors. The archetypes define the persons' general ways of the perception, the experience of the events, situations, and reactions on them. The archetypes are deeply unconscious. The process of an awareness of these inherited patterns presents an axis of the personality's individuation, and leads to the formation of the mature relation with the oneself and the surrounding world, the creation of harmonic interpersonal relationships and the overwhelming of the crises (Jung, 1971) In the structure of the psyche Jung has revealed the meanings of "Persona", "Shadow", "Anima", "Animus" and other archetypes of collective unconsciousness. The archetypes create archetypal images, which predispose to the certain universal for human beings forms of the world perception and activities that are corresponding to specific schedules. The archetypes have the quality of matrixes, "psychological instincts". All individual psyche and personal experiences may be interpreted through archetypal forms. In this article authors analyze the archetypes of Self, Animus and Anima, Persona, Shadow, Great Mother, Old Wise Man and Trickster. Multiple archetypes exist in the psyche. Jung considered that the archetypes control behaviour and psychic life, organize and direct the mental processes. Without special information of the archetypes man is not aware that she/he is under the influence of the unconscious archetypal forces. When the influence of the collective unconsciousness increases, the ego becomes "captured" by the archetypal impulses and enslaved by them. Knowledge of this psychodynamic is useful because it helps somehow to control a situation. Since the archetypes have both positive and negative side, the control includes an attempt to activate their positive side and to decrease the negative one during the dialogue in the process of the psychodynamic psychotherapy.

Key words: individual and collective unconsciousness; archetypes of Self; Persona; Shadow; Mandala; Animus; Anima; Great Mother; Old Wise Man; Trickster.

For citation

Korolenko C.P., Dmitrieva N.V. The Basic Archetypes in Classical Jungian and Contemporary Considerations. *Med. psihol. Ross.*, 2018, vol. 10, no. 1, p. 3. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11030 [in Russian, abstract in English].